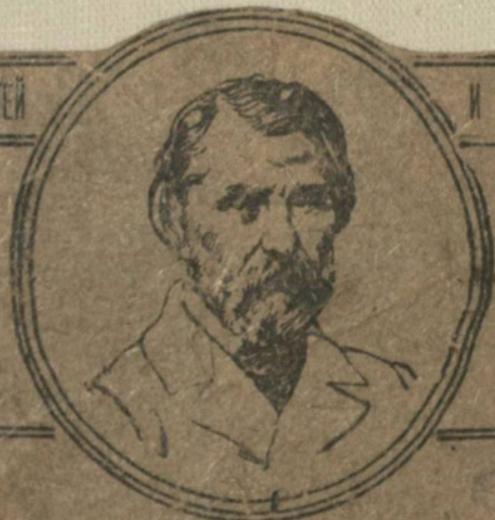

Библиотека для детей

И юношества № 13

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ

ОЧЕРК
Н. П. ЧЕРЕПНИНА

Санкт-Петербург

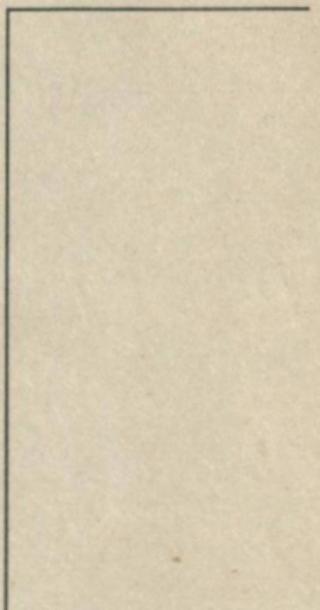
1919

83.3P5-8
2-49

39711.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕЕ
УКАЗАННОГО СРОКА

Колич. пред. выдач.

83.385-8
4-49

Тур.

955 д.

Продлено 1932 г.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА № 13

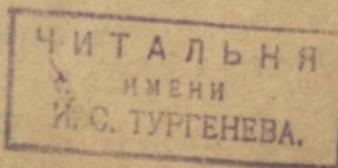
Н. П. ЧЕРЕПНИН

Библиотека № 13
Городской Комитет по делам культуры

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ

ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Культурно - Просветительное
Кооперативное Товарищество
«НАЧАТКИ ЗНАНИЙ»
ПЕТРОГРАД • 1919

36

ЧИТАЛЬНЯ

✓

ПРОВЕРКА 2014

МР. ЧИТАЛЬНЯ

1972 г.

39711

ЧИТАЛЬНЯ
имени
ТУРГЕНЕВА

Типография Трент и Фюссе, Максимилиановский № 18.

Фонд редкой книги
ТУРГЕНЕВА

I.

К Тургеневу много раз обращались с просьбой, чтобы он написал о своей жизни. Из скромности он или отклонял эти просьбы, или давал о себе самые краткие сведения.

— Моя биография, писал Тургенев в ответ на одну из таких просьб, напоминает биографию Э. Ожье, который на подобный вопрос отвечал следующими словами: я родился, мне привили оспу, потом, когда я вырос, я стал писать комедии.

Незадолго до смерти Тургенев еще короче ответил итальянскому писателю, составлявшему статью об его жизни и деятельности:

«Вся моя биография — в моих сочинениях», — писал Тургенев и прибавил, что в его жизни нет ничего выдающегося и интересного.

На самом деле в жизни Тургенева много интересного. Знакомясь с ним, кроме того, легче понять его художественные произведения, так как мало писателей, у которых жизненные впечатления так неразрывно, как у Тургенева, сплетались с литературной деятельностью и влияли на творчество.

Родина Тургенева — город Орел. Там и теперь можно найти место, где стоял дом Сергея Николаевича и Варвары Петровны Тургеневых. 28-го октября 1818 года в этом доме у них родился сын Иван, будущий знаменитый писатель.

Мать Тургенева по своему характеру была женщина очень суровая. В молодости ей пришлось перенести много притеснений и обид.

Она родилась сиротой. Мать, оставшись без средств, скоро вновь вышла замуж за вдовца, имевшего взрослых дочерей. Из любви к второму мужу она все свои заботы сосредоточила на его дочерах, а он даже бил ее девочку. «Быть сиротою без отца и матери тяжело,— говорила впоследствии Варвара Петровна,— но быть сиротой при родной матери— ужасно, а я это испытала, меня мать ненавидела».

Больно страдало и болезненно развитое самолюбие девочки: ее сводные сестры, подрастая; сделались красавицами, а она с каждым годом становилась все менее красивее. После смерти матери ее положение стало совершенно невозможным. Она решила бежать. Полуодетая пятнадцатилетняя девочка пешком прошла около шестидесяти верст и нашла приют у старика дяди Ивана Ивановича Лутовинова в его имении Спасском.

Здесь жизнь оказалась не легче. И. И. Лутовинов был жестоким человеком и самодуром. Его изобразил И. С. Тургенев в своем произведении «Однодворец Овсянников». Рассказ однодворца— длинный перечень обид, которые причинял помещик своим крестьянам и вообще беззащитным людям. Лутовинов не только силой отбирал чужую землю, но еще жестоко издевался над ее законными владельцами. Были у него и исполнители его злой воли, напоминавшие опричников. Он умер скоропостижно— подавился косточкой плода.

В рассказе Тургенева «Бежин луг» крестьянский мальчик говорит другим про «нечистое место»— прорванную плотину:

— «Варварицы!?. еще бы! еще какое нечистое! Там не раз, говорят, старого барина видали— покойного барина. Ходит, говорят, в кафтане долгополом, и

все этак это охает, чего-то на земле ищет. Его раз душка Трофимыч повстречал. — Что, мол, батюшка, Иван Иваныч, изволишь искать на земле?

— Он его спросил? — перебил изумленный Федя.

— Да, спросил.

— Ну, молодец же после этого Трофимыч. Ну, и что же тот?

— Разрыв-травы, говорит, ищу. Да так глухо говорит, глухо: разрыв-травы. — А на что тебе, батюшка, Иван Иваныч, разрыв-трава? — Давит, говорит, могила, давит, Трофимыч; вон, хочется, вон...»

Этот отрывок навеян теми рассказами, какие Тургеневу пришлось слышать от крестьян об его дедушке Лутовинове. Исстрадавшимся крестьянам не верилось, что их мучителя не стало, и долго среди них жило поверье, что изверг помещик встает ночью из могилы, бродит по плотине, охает и стонет.

Варвару Петровну дядя держал почти взаперти, требовал от нее такого же рабского подчинения, как от своих крепостных, всячески угнетал и издевался над ней. Наконец, терпение тридцатилетней девушки истощилось. Не имея на свете никого близких, она решилась опять бежать, сама не зная куда. Как раз в это время внезапно умирает ее дядя, и все его огромное состояние, многочисленные имения, несколько тысяч крепостных крестьян — по наследству переходят к ней.

Бывает так, что перенесенные в юные годы притеснения и обиды или смягчают душу человека, делают его более добрым и чутким к страданиям других, но иногда, наоборот, они ожесточают его, вызывают стремление на других выместить свои былые страдания. С Варварой Петровной случилось второе.

После безотрадной молодости у Варвары Петровны вспыхнуло неудержимое стремление к личному счастью,

и самовластью, к мести за невозвратно прошедшие лучшие годы жизни, за пережитые унижения.

У богатой помещицы скоро нашелся жених — Сергей Николаевич Тургенев, офицер гусарского полка, с расстроеными средствами, очень красивый собой. Блестящая барская жизнь, последовавшая после свадьбы, гораздо больше удовлетворяла мужа, чем жену. Счастья жене он не дал. Это был слабохарактерный и легко-мысленный человек, думавший только о себе, о том, как приятнее и веселее устроить свою жизнь.

На детей Сергей Николаевич Тургенев мало обращал внимания. У Тургеневых было трое сыновей, Иван Сергеевич был младшим. Все свое детство и первые годы юности он провел в имении Спасском, удивительно живописном уголке средней России.

Кто читал написанные И. С. Тургеневым «Записки охотника», хорошо может представить себе картины природы этой местности. Их много раз удивительно художественно и любовно рисовал И. С. Тургенев в своих рассказах.

II.

Не добром вспоминал И. С. Тургенев свои детские годы. Строгость к детям, доходившая до частых грубых телесных наказаний, жестокость в дворовым и крепостным, воспитание под руководством французских и немецких гувернеров, полное презрение в семье ко всему русскому — вот что окружало будущего знаменитого русского писателя в его юные годы.

Варвара Петровна знала одно воспитательное средство — розгу.

— «Драли меня, — рассказывает И. С. Тургенев. — за всякие пустяки, чуть не каждый день. Раз одна

приживалка, уже старая, Бог ее знает, что она за мной подглядела, донесла на меня моей матери. Мать без всякого суда и расправы тотчас же начала меня сечь,— секла собственными руками, и на все мои мольбы сказать, за что меня наказывают, приговаривала: сам знаешь, сам должен знать, сам догадайся, сам догадайся, за что я секу тебя».

На другой день ребенок окончательно отказался угадать свою вину. Тогда наказание повторили и обещали повторить до тех пор, пока он не сознается в своем преступлении. Мнимый преступник пришел в смертный ужас. Ему представился единственный путь спасенья—бегство из родного дома. Он решил бежать потихоньку, ночью, когда весь дом спал.

«Я уже встал, потихоньку оделся и в потемках пробирался коридором в сени. Не знаю сам, куда я хотел бежать,—только чувствовал, что надо убежать, и убежать так, чтобы не нашли, и что это единственное мое спасение. Я крался, как вор, тяжело дыша и вздрагивая. Как вдруг в коридоре появилась зажженная свечка, и я к ужасу своему увидел, что ко мне кто-то приближается—это был немец, учитель мой. Он поймал меня за руку, очень удивился и стал меня допрашивать.

— Я хочу бежать,— сказал я и залился слезами.

— Как, куда бежать?

— Куда глаза глядят.

— Зачем?

— А за тем, что меня секут, и я не знаю, за что секут.

— Не знаете?

— Клянусь Богом, не знаю.

Тут добрый старик обласкал меня, обнял и дал слово, что больше наказывать меня не будут.

На другой день, утром, он постучался в комнату моей матери и о чем-то долго с ней наедине беседовал. Меня оставили в покое».

Мальчик был очень впечатлительным, искренним и откровенным. Ему трудно было удержаться, чтобы немедленно не делиться с окружающими своими мыслями и чувствами. За это приходилось тяжело платиться.

Тургеневу было 6 или 7 лет, когда его представили почтенному старому гостю и, объяснив, что это известный писатель Иван Иванович Дмитриев, заставили прочесть наизусть одну из его басен. Мальчик прочел басню, а потом добавил:

— Твои басни хороши, а Ивана Андреевича Крылова — гораздо лучше.

Мать пришла в ужас. «Она так рассердилась, — вспоминал потом Тургенев, — что высекла меня и этим закрепила во мне воспоминание о свидании и знакомстве, первом по времени, с русским писателем».

— «Да, в ежовых рукавицах держали меня, — говорил Тургенев, — и матери своей я боялся, как огня. Раз только за обедом я насмешил ее. Кто-то завел речь о том, как зовут дьявола; никто не мог сказать, зовут ли его Вельзевулом, Сатаной или как-нибудь иначе.

— Я знаю, как зовут, — сказал я, и сам испугался.

— Ну, если знаешь, скажи, — ответила мать.

— Его зовут «Мем».

— Как? повтори, повтори!

— Мем!

— Это кто тебе сказал, откуда ты выдумал?

— Я не выдумал, я это слышу каждое воскресенье у обедни.

— Как так у обедни?

— А во время обедни выходит дьякон и говорит:

«вон Мем». Я и понял, что он выгоняет дьявола и что зовут его «Мем».

— «Удивляюсь,—прибавляет Тургенев,—как меня за это не наказали; но, как ребенок, я на этот раз был искренен—просто не понял славянского слова «вонмем» и толковал его по-своему. Мать улыбнулась мне, все стали хохотать, и мое вмешательство в разговор старших прошло для меня благополучно».

При таких условиях тяжело жилось Тургеневу и его брату. На образование детей Варвара Петровна обращала мало внимания, это дело она передала в руки иностранных учителей и гувернеров. Это были мало образованные и совершенно не подготовленные к делу воспитания люди, которых в то время так охотно, как и все иностранное, принимали в русские семьи.

Тургенев любил вспоминать своих иностранных учителей и рассказывал немало забавных случаев из их жизни.

— «Живо помню,—вспоминал он про одного гувернера, немца,—как этот чудак приехал к нам с клеткой, в которой сидела самая простая, обыкновенная, даже неученая ворона. Вся многочисленная дворня наша сбежалась посмотреть на диковинного немца, который возился над своей вороной; дворня недоумевала, для чего ее немец притащил, когда этого добра было не занимать стать у нас на дворе.

Старик-дворовый, глядя на его суэтню, флегматично заметил: «ах ты фуфлыга», обращаясь, конечно, к немцу. Немец обиделся, задумался, а на другой день за завтраком или обедом неожиданно обратился к отцу и, весьма плохо об'ясняясь по-русски, заявил, что он имеет спросить его по одному предмету:

— Позвольте у вас узнать, что значит слово «фуфлыга»? Меня вчера назвал ваш человек этим словом.

Отец, взглянув на тут же бывшего дворового и

на меня с братом, догадался, в чем дело, улыбнулся и сказал:

— Это значит живой и любезный господин.

Видимо, немец не очень-то поверил этому объяснению.

— А если бы вам сказали,—продолжал он, обращаясь к моему отцу—«ах какой вы фуфлыга»! вы бы не обиделись?

— Напротив, я принял бы это за комплимент».

Немец был очень чувствителен. Станет читать своим ученикам Шиллера—и с первых же слов расплачется. Учитель этот, впрочем, недолго прожил у Тургеневых, его скоро уволили,—он оказался совершенно неопытным в деле воспитания, так как раньше был седельником.

На изучение Тургеневым родного языка родители не обращали внимания, знакомить с произведениями русских писателей считали лишним. При всеобщем увлечении всем иностранным, хорошее знание родного языка в аристократических семьях в то время считалось даже чем-то предосудительным. Русский язык был почти изгнан из употребления в доме Тургеневых. Варвара Петровна по-русски говорила только с прислугой, но и среди прислуги были такие, которые говорили на одном и даже двух иностранных языках. Молодое поколение господ было обязано говорить, думать и даже молиться на французском языке.

Читать и писать по-русски Тургенева обучил крепостной слуга Федор Иванович Лобанов. Он же впервые познакомил мальчика с произведениями русских писателей.

— «Невозможно передать чувство,—писал потом Тургенев в одной своей повести,—которое я испытывал, когда, бывало, улучив удобную минуту, дворовый этот, словно сказочный пустынник или добрый дух,

появлялся передо мною с увесистой книгой под мышкой и, украдкой кивая длинным кривым пальцем и таинственно подмигивая, указывал головой, бровями, плечами, всем телом на глубь и глушь сада, куда никто не мог проникнуть за нами и где невозможно было нас отыскать.

И вот удалось нам уйти незамеченными; вот мы благополучно достигли одного из наших тайных местечек; вот мы сидим уже рядом, вот уже и книга медленно раскрывается, издавая резкий, для меня тогда неизъяснимо-приятный запах плесени и старья! С каким трепетом, с каким волнением неотступного ожидания гляжу я в лицо, в губы ему—в эти губы, из которых вот-вот польется сладостная речь! Развдаются, наконец, первые звуки чтения! Все вокруг исчезает... нет, не исчезает, а становится далеким, заволакивается дымкой, оставляя за собой лишь впечатление чего-то дружелюбного и покровительственного! Эти деревья, эти зеленые листья, эти высокие травы заслоняют, укрывают нас от всего остального мира, никто не знает, где мы, что мы,—а с нами поэзия, мы проникаемся ею, у нас происходит важное, великое, тайное дело»...

Дворовый человек особенно любил «звонкие» «многошумные» стихи, да он и не читал их, а как-то выкрикивал. Сперва пробормочет их вполголоса, как он выражался «начерно», а потом прогремит «набело». Так он прочитал Тургеневу сочинения Ломоносова, Сумарокова, Кантемира, Хераскова, и этими написанными в XVIII веке, мало понятными для мальчика произведениями возводил, однако, в своем слушателе любовь к русской литературе.

III.

Вокруг себя мальчику ежедневно приходилось видеть обиды, притеснения и страдания крепостных. Семья Тургеневых принадлежала к числу тех, у которых жестокое обращение с крепостными было какой-то привычкой, передававшейся из поколения в поколение. Предки Тургенева и со стороны отца, и со стороны матери приобрели известность своей бессердечностью. Такое же отношение к крепостным сохранилось у отца и особенно матери Тургенева.

Мать Тургенева наводила страх на окружающих. Небольшого роста, всегда изящно одетая, в чепчике из дорогого тюля с густой оборкой и цветным бантом, любезно чопорная в обращении с людьми своего круга—Варвара Петровна производила впечатление великосветской дамы. Властолюбие, эгоизм, безудержимая злоба, подчас к самым преданным людям, стремление унизить, оскорбить, не забыть обиды—сочетались у нее самым причудливым образом с умом, обаятельностью, порывами великодушия, доброты, страстью нежности, мягкости.

«В домашней обстановке,—вспоминает современница Варвары Петровны, она старалась подражать коронованным особам; так, крепостные люди ее, исполнявшие ту или другую обязанность при ней, назывались не только придворными званиями, но даже фамилиями тех министров, которые занимали соответствующие должности при высочайшем дворе; так, напр., дворецкий назывался министром двора, и ему придана была фамилия тогдашнего шефа жандармов генерала Бенкендорфа. Мальчик 14 лет, заведывавший с несколькими помощниками получением и отправкою, писем и газет, назывался министром почт. Эти два министра более других врезались в моей памяти, так как с ними, по

их положению в ее доме, я встречалась чаще, чем с другими. Без инициативы со стороны самой Варвары Петровны с ней никто не смел заговорить. Например, ее министр двора являлся с докладом, останавливался у дверей и ждал разрешительного знака говорить, и, если этого знака Варвара Петровна минуты с две не подавала, то это значило, что доклада она в то время слушать не желала, и министр ретировался.

Приход почты возвещал большой колокол. Почтальоны с колокольчиками бегали по коридорам обширного дома, а министр почт, одетый по форме, преподносил на серебряном подносе газеты и письма, адресованные на имя Варвары Петровны. Присутствовавшие из нас молодых девушек, заменяли ей секретарей и читали вслух указанное ею. Если письма, были ей приятны, мы ликовали; но если выходило обратно, то все живущие, притаив дыхание, оставались безмолвными, а я уезжала домой».

Достаточно было пустяка, чтобы вызвать гнев Варвары Петровны, она тотчас безжалостно расправлялась с провинившимся.

Варвара Петровна гуляла в саду. В это время здесь работало двое крестьянских парней. Они не поклонились, когда она проходила мимо них. Немедленно последовало распоряжение—сослать преступников в Сибирь. Тургенев, в то время мальчик, был свидетелем, как приводился в исполнение этот приказ.

— «Вот у этого окна, — рассказывал он впоследствии,—сидела моя мать; было лето, и окно было отворено, и я был свидетелем, как эти ссылаемые в Сибирь, накануне ссылки подходили к окну с обнаженными, понурыми головами для того, чтобы ей откланяться и проститься с ней».

Прочтите рассказ Тургенева «Муму», где передается печальная судьба немого крепостного крестья-

нина Герасима. Это подлинная быль: случилась она в доме Варвары Петровны, с ее дворовым человеком Андреем.

IV.

Мальчик подрастал, пришла пора серьезно взяться за его учение. Мать, в душе безумно любившая своего сына, едва решилась с ним расстаться. Тургенева отвезли в Москву и отдали там в пансион, где он должен был приготовиться к вступительным экзаменам в университет.

Тургенев хорошо подготовился и был одним из немногих, выдержавших приемный экзамен, и в 1834 году стал студентом московского университета. В это время умер отец Тургенева. Варвара Петровна переселилась в Москву, а Тургенев перешел в петербургский университет.

Какие настроения вынес И. С. Тургенев из московского пансиона, где жил и учился до поступления в университет, можно до некоторой степени судить по отрывку одной повести Тургенева.

Герой повести—мечтатель, поклонник поэзии, повышенного творчества. Его друг—автор повести—разделяет эти пристрастия, испытывает к нему восторженное чувство дружбы, вместе с ним мечтает, любуется по ночам звездами, увлекается произведениями Шиллера.

Вот этот отрывок:

— «Особенно отрадно было мне гулять с ним вдвоем или ходить возле него взад и вперед по комнате и слушать, как он, не глядя на меня, читает стихи своим тихим и сосредоточенным голосом. Право, мне тогда казалось, что мы с ним медленно, понемногу отделялись от земли и неслись куда-то, в какой-то

лучезарный, таинственно-прекрасный край... Помню я одну ночь. Мы сидели с ним под тем же кустом сирени: мы любили это место. Все наши товарищи уже спали: но мы тихонько встали, ощупью оделись вплотьмах и украдкой вышли «помечтать». На дворе было довольно тепло, но свежий ветер дул по временам и заставлял нас еще ближе прижиматься друг к дружке. Мы говорили, мы говорили много и с жаром, так что даже перебивали друг друга, хотя и не спорили. На небе сияли бесчисленные звезды. Яков поднял глаза и, стиснув мне руку, тихо воскликнул:

Над нами
Небо с вечными звездами...
А над звездами их Творец...

Благоговейный трепет пробежал по мне; я весь похолодел и припал к его плечу... Сердце переполнилось»...

В Петербурге Тургенев подпал влиянию профессора Плетнева. Плетнев очень любил свою науку — русскую словесность, и эту любовь внушил Тургеневу. Человек просвещенный, одаренный прекрасной душой, тонкий ценитель художественной литературы, Плетнев близко стоял к кругу писателей, был в дружеских отношениях с Пушкиным, Жуковским, Баратынским, Гоголем. Студенты уважали и любили Плетнева. Ни у одного профессора не встречали они столько внимательности, сердечности, столько готовности помочь им в учении и литературной работе.

Не без влияния Плетнева Тургенев решил попытать свои силы — написал драму в стихах и принес ей просмотреть. Плетнев подробно разобрал и указал недостатки этого слабого произведения, но заметил, что у автора есть признаки литературного таланта.

Первая неудача не обезвредила Тургенева, и он вскоре снова принес Плетневу свои стихотворения.

Стихотворения эти понравились Плетневу, так что два стихотворения он напечатал в журнале «Современник», основанном Пушкиным. Это было в 1837 году.

Появление в печати первых произведений Тургенева совпало со временем блестящего состояния русской литературы. Это было время, когда были уже напечатаны почти все произведения Пушкина; Гоголь напечатал «Тараса Бульбу», «Старосветских помещиков», «Ревизора» и писал «Мертвые души»; Жуковский, Лермонтов и Кольцов выпустили в свет большинство своих лучших произведений. Со всеми этими писателями Тургенев встречался у Плетнева, и эти встречи и беседы с ними имели большое влияние на развитие его таланта.

V.

В 1838 году Тургенев окончил университет и уехал завершать образование в Германию. В это путешествие жизнь Тургенева подверглась опасности. На пароходе вспыхнул пожар, и только близость берега спасла пассажиров от гибели. Происшествие это описано Тургеневым в рассказе «Пожар на море».

В Германии Тургенев усердно приаялся за изучение философии, но это не мешало ему быть в душе совершенным ребенком. Просиживая дни и ночи за книгами, он свой досуг посвящал дрессировке собаки, с которой охотился на крыс и мышей, и с увлечением играл в карточных солдатиков.

Насколько прочны были знания, приобретенные Тургеневым в берлинском университете, можно судить, между прочим, по тому, что он до конца своей жизни любил читать римских авторов в подлиннике и мог

писать друзьям чуть не целые послания на латинском языке.

До нас сохранились письма, какие писала Варвара Петровна в Берлин к сыновьям. В этих письмах хорошо отразились ее характер и наклонности, особенно ее сильная любовь к Ивану Сергеевичу.

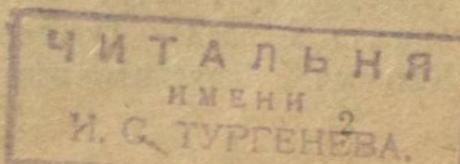
— «Все заключается у меня в вас двух. Я не имею ни сестер, ни братьев, ни матери, ни тетки, никого, ни друзей. Вы... вы... вы, с братом. Я вас обоих люблю страстно, но! — различно. Ты мне особенно болен... Ежели я могу об'яснить примером. Ежели бы мне сжали руку — больно; а ежели бы наступили на мозоль — нестерпимо».

Иван Сергеевич искренно любил мать, но ее самовластие глубоко его задевало, и он стал отдаляться от матери. Мать тоскует в разлуке, мучается ожиданием писем, полна тревоги за здоровье сына. Все время студенческой жизни Ивана Сергеевича в Берлине было сплошной тревогой для Варвары Петровны.

Но тоска матери оставалась без отклика. Иван Сергеевич писал ей все реже, все реже дарил ее откровенностью. Расхождение между сыновьями и матерью все усиливалось, к великому горю матери. Потом, года через два, оно привело к полному разрыву. Глубоко одинокой осталась тогда Варвара Петровна. Тяжело расплачивалась она за свои недостатки.

В ее предсмертном дневнике сохранились такие строчки:

«Мать моя, дети мои! Простите меня! И ты, Господи, прости меня, потому что гордость, этот смертный грех, всегда был моим грехом».

VI.

По возвращении из за границы в Россию Тургенев хотел посвятить себя ученой деятельности, но потом занялся литературой, чем была очень недовольна его мать, мечтавшая о блестящей карьере для своего сына.

— Я постичь не могу, — убеждала Варвара Петровна сына, — как тебе охота быть писателем? Дворянское ли это дело? Писатель! Что такое писатель? По-моему, писатель и писец — одно и то же. И тот и другой за деньги бумагу марают. Дворянин должен служить и составить себе карьеру и имя службой, а не бумагомаранием... Да и кто читает русские книги?

— Но ведь ты же сама любила и уважала Жуковского, — возражал Тургенев.

— Ах, это совсем другое — Жуковский! Как его не уважать, ты знаешь, как он близок ко двору.

В душе Варвара Петровна решила, что сын блажит, и мешать его блажи не хотела: сама пройдет... Да и почему не поблажить в 25 лет? Ведь блажь тоже дворянское дело.

Первые десять лет своей литературной деятельности Тургенев писал только стихи. Даже первую свою повесть он написал стихами. Но не стихам обязан он своей славой. Известность и славу создали Тургеневу «Записки охотника» и последующие повести и рассказы.

Интересно, что первый рассказ Тургенева из «Записок охотника» появился в свет совершенно случайно. Случайно он и последовавшие рассказы получили такое название. Издатель «Современника» Панаев, хороший знакомый Тургенева, попросил дать ему какую-нибудь «повестушку», чтобы заполнить отдел смеси в первой книжке журнала. Тургенев дал ему очерк «Хорь и Балиныч». Знаменитое название «Из записок охотника»

было придумано Панаевым, чтобы «склонить читателей к снисходительности».

«Хорь и Калиныч» не затерялся среди курьезов и анекдотов «смеси», а был замечен и по достоинству оценен читателями. Успех был выдающийся, и это побудило Тургенева написать целый ряд очерков, из которых и составились «Записки охотника».

Начало литературного успеха Тургенева совпало с тяжелым временем его жизни. У него вышла размолвка с матерью, и Варвара Петровна лишила его денежной поддержки. Для Тургенева, привыкшего ни в чем себя не стеснять, настали тяжелые дни. Единственным его заработком в это время была литературная деятельность, но она давала немного, и были дни, когда Тургеневу приходилось сидеть в непопленой квартире и голодать. Чтобы несколько насытиться, он прибегал к хитрости — заходил в ресторан, где имели обыкновение обедать его друзья, и, с видом только что сытно пообедавшего человека, беседуя с ними, уничтожал хлеб. Такое положение продолжалось, правда, недолго. Мать скоро помирась с сыном, да и его литературный заработок стал быстро увеличиваться.

«Записки охотника» в 1852 году вышли отдельной книжкой и раскупались нарасхват.

Значение «Записок охотника» в русской литературе очень велико. Они являются не только удивительно совершенными по своим художественным достоинствам, но также оказали большое влияние на общественную жизнь России. Они, среди других явлений русской жизни, имели влияние на освобождение крестьян от крепостной зависимости.

Притеснения и обиды, которые терпела в детстве мать Тургенева, сделали ее злой и мстительной. Притеснения и обиды, которые перенес в детстве Иван Сергеевич, сделали его особенно чутким в страданиям

людей, зародили в его душе постоянную готовность помочь другим не только словом, но и делом.

Это тем более удивительно потому, что все, казалось, складывалось так, чтобы из Тургенева вышел жестокий, властный барин, безграничный эгоист. С детства он видел такой пример в отце и матери, с детства видел, каким неограниченным хозяином являлся помещик-барин над своими крепостными, видел, как должны они исполнять беспрекословно его малейшую волю, каприз, видел, как можно без всякой ответственности строго и жестоко их наказывать. Легче и проще всего было бы жить так, как жили отец и мать, усвоить их привычку властвовать, повелевать, требовать и карать, забыть, что крепостные такие же люди, думать лишь о себе, о своем благе, удобстве, удовольствии.

Но природа дала Ивану Сергеевичу чуткое, любящее сердце, и оно направило мысли и чувства его на путь сострадания и добра. С ранних лет он понял и почувствовал весь ужас, всю несправедливость крепостного права. С годами отвращение Тургенева к крепостному праву росло. Объясняя свой неожиданный для близких отъезд за границу в 1847 году, Тургенев писал:

— «Я не мог дышать одним воздухом, оставаться рядом с тем, что я ненавидел; мне необходимо нужно было удалиться от моего врага за тем, чтобы из самой моей дали напасть на него. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решил бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примираться».

Осуществлением этой борьбы и явились «Записки охотника», большая часть которых были написаны Тургеневым в это его пребывание за границей.

VII.

Крепостное право образовалось на Руси постепенно. Уже в XII веке были на Руси крестьяне, жившие на чужих землях и находившиеся поэтому в некоторой зависимости от владельцев этих земель. Пустых земель в древней Руси было много, и всякий желающий мог бесплатно занимать их для себя. Но для обзаведения хозяйством были необходимы средства, и тем, у кого не было средств, приходилось селиться на землях богатых землевладельцев, которые давали крестьянам рабочий скот, земледельческие орудия, хлеб на семена и для прокормления до нового урожая и даже средства для уплаты податей. За все это крестьянин по договору должен был платить землевладельцу своей работой в его поле и при его доме. И землевладелец и крестьянин могли в любое время нарушить свой договор: — крестьянин перейти на другую землю, уплатив долг землевладельцу, а землевладелец — отнять свою землю у одного крестьянина и передать ее другому.

Каждому помещику было выгодно, чтобы на его земле жило больше крестьян. Поэтому богатые помещики старались переманить крестьян на свои земли, обещая им всякие льготы и выгоды. Между тем уменьшение числа крестьян у малосостоятельных помещиков имело весьма печальные последствия для государства. В то время помещики обязаны были «натурою» отбывать военную службу, т. е. являться на войну с своим собственным оружием, конем, запасом боевых припасов и в сопровождении так же снаряженного определенного количества крестьян. У обедневших, вследствие ухода с их земель крестьян, мелких помещиков не оказывалось ни средств, ни людей, чтобы исправно отбывать воинскую повинность. Таким образом, во время войны, войска являлось гораздо меньше, чем следовало.

Кроме того, свободный переход крестьян от одного помещика к другому очень затруднял собирание податей, и государственная казна пустела. Поэтому правительство стало постепенно затруднять переход крестьян от одного помещика к другому, а потом и совсем воспретило этот переход и, таким образом, крестьяне оказались прикрепленными к земле помещика, в полной от него зависимости.

Русская литература никогда не ограничивалась только изображением явлений жизни. Большинство русских писателей в своих художественных произведениях учили, как надо жить, защищали униженных и оскорбленных, боролись против неправды и несправедливости. Поэтому русская литература не могла обойти молчанием такого печального явления русской жизни, каким было крепостное право.

Впервые в русской литературе заговорили о тяжелом положении крепостных крестьян и необходимости их освобождения еще во времена Петра Великого. Честь этого принадлежит крестьянину-писателю Просошкову.

Особенно много писали о положении крепостных крестьян в царствование Екатерины Великой.

Яркие картины крепостного быта, невежественности помещиков, их грубости, жестокости, несправедливости дал Фонвизин в своей знаменитой комедии «Недоросль».

Помещица Простакова—главное действующее лицо комедии—говорит:

— «Все сама управляюсь, мой батюшка; с утра до вечера, как за язык повешена, рук не покладаю: то бранюсь, то дерусь,—тем и дом держится».

Своих крепостных Простакова иначе не называет, как «скот», «бестия». Предавшую старую няню своего сына она награждает обидными словами и побоями. Когда ее спрашивают, зачем она наказывает безвинных людей, она отвечает:

— «Ах, батюшка! Что за вопрос? Разве я не властна в своих людях? Да разве дворянин не волен поколотить своего слугу, когда захочет?..»

Брат Простаковой, Скотинин, не лучше; он сам говорит о своем отношении к крестьянам:

— «Я ни на кого не был челом, а всякий убыток, чем за ним ходить, сдеру со своих крестьян, и концы в воду».

Крепостному праву уделяли серьезное внимание сатирические журналы, которых так много издавалось при Екатерине Второй. Они преследовали обличениями и насмешками жестокость помещиков, жадность, с какой они налагали на крестьян непосильные поборы и работы, вмешивание в личную жизнь крестьян даже в таком, напр., деле, как заключение брака, мелочность и самодурство.

В журнале «Трутень» было помещено, напр., следующее донесение старосты помещику:

«С Антошки за то, что он тебя в чебитной назвал отцом, а не господином, взято 5 рублей. И он на сходе высечен. Он сказал: «я-де это сказал с глупости», и напредки он тебя, государя, отцом называть не будет».

Мрачную картину бедственного положения крепостных рисует журнал «Живописец» в статье «Отрывок из путешествия»:

— «Бедность и рабство повсюду встречаются со мною в образе крестьян», — писал автор статьи. — «Непаханые поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. Маленькие, покрытые соломою хижины из тонкого заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшие одоны хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны. Не пропускал я ни одного

селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению всегда находил, что помещики их сами тому были виной».

Едва ли не самым энергичным борцом против крепостного права в екатерининскую эпоху является писатель Радищев. В своих произведениях Радищев яркими красками рисует печальные картины помещичьего произвола. Он рассказывает, например, о продаже с аукциона дворовых крепостных людей. Это были: «старик лет 75; с отцом господина своего он был в крымском походе при Минихе; во франкфуртскую кампанию раненого унес его с поля битвы; потом был дядькою молодого барина и также много раз спасал его от разных несчастий. Старуха 80 лет, его жена, была кормилицею матери своего молодого барина, была его нянькой. Женщина лет 40, вдова, кормилица молодого своего барина. Молодица 18 лет, дочь ее и внучка стариков».

Радищев нарисовал картину жалкого убожества жизни крестьян. Жилище крепостного—курная изба, с покрытыми сажей и грязью стенами, с затянутыми пузырем окнами, изба, в которой люди спят вместе с животными, в спретом, тяжелом воздухе, в котором лучина горит, как в тумане. На полках—два-три горшка, деревянные чашки, кружки, вместо тарелок; едят за столом, грубо срубленным топором; тут же—корыто для свиней и кадка для кваса, кислого, как уксус.

Радищев указывал на несправедливость крепостного права, на его вред для государства, на необходимость уничтожить крепостное право. Он даже составил проект, как постепенно освободить крестьян от крепостной зависимости. Чтобы вполне оценить значение деятельности и проекта Радищева, необходимо помнить, что в то

время не только образованные русские люди, но и такие европейские философы XVIII века, как Вольтер и Руссо, считали освобождение крестьян делом невозможным, трудным, опасным.

При Александре I двадцатилетний Пушкин, в деревенской глухи пишет стихотворение «Деревня». Нарисовав чарующие картины сельской жизни и природы, Пушкин переходит к изображению печальной стороны деревенского быта—рабства, со всеми его тягостями, и заканчивает стихотворение вдохновенными строками:

«Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный,
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?»

Много метких ударов нанес крепостному праву Грибоедов в своей комедии «Горе от ума».

В беседе с Софьей герой комедии Чапкий, между прочим, вспоминает одного помещика, любителя театра, который, давая балы, заставлял своего крепостного щелкать соловьем. Далее он вспоминает другого помещика, владельца многих крепостных слуг:

«Усердствуя, они в часы вина и драки,
И жизнь, и честь его не раз спасали; вдруг
На них он выменял борзые три собаки!
Или вот тот еще, который, для затей,
На крепостной балет согнал на многих фурах
От матерей, отцов отторженных детей?
Сам погружен умом в зефирах и амурах,
Заставил всю Москву дивиться их красе;
Но должников не согласил к отсрочке:
Амуры и зефиры все
Распроданы поодиночке».

В конце 1846 г. появилась в печати повесть Григоровича «Деревня». Впервые в русской литературе были изображены не только введение бедствия и страдания крепостного, но и потрясающая душевная драма

простой деревенской женщины. Горе и слезы, брань и побои, вечный испуг и одиночество в детстве; замужество против воли, по желанию добрых господ, думавших устроить смиренную девушку; грубые издевательства новых родственников, побои пьяного мужа, мучительный страх за будущее маленькой дочки—вот та картина, какую нарисовал Григорович в своей повести, показав, что и крестьяне совершенно такие же люди, как и люди образованного общества, и могут сильно чувствовать и больно страдать.

В своей повести Григорович хотел показать, сколько горя может причинить и не злой, не жестокий помещик, а лишь не знающий крестьянской жизни, не видящий душевной жизни своих крепостных, но он сделал гораздо больше—он показал русской литературе новый путь в деле ее служения идее освобождения крестьян.

VIII.

И. С. Тургенев, по собственным его словам, в изображении деревни пошел вслед за Григоровичем; но в отношении приемов художественного творчества значительно его превзошел.

В рассказах Тургенева жизнь крестьян изображается более полно, точно, наглядно; в них лучше проявляются и черты характера крестьян, и свойства и особенности русской природы.

В «Записках охотника»—поэтично и тонко переданная вся унылая прелест великорусской природы: и бесконечный простор полей, с рассыпанными среди них серыми деревушками, и помещичьи усадьбы с старыми липовыми садами, и глушь сосновых лесов. Все нашло себе место в чудной картине, охватившей и крупные, широкие черты пейзажа, и тонкие оттенки

бесконечной игры листьев на голубом небе, мирной болтовни ручья, затерянного в овраге, и легкого дуновения ветерка, замирающего на вечерней заре. На этом фоне проходят перед нами правдивые и скорбные фигуры крестьян. Забитые и жалкие, терпеливые, молчаливые, но одаренные чуткой душой, спокойные и уверенные — все они производят одно впечатление. От всех них веет унынием.

«Рассказ Тургенева», говорит французский критик Вогюэ, «льется плавно и роскошно, подобно тому, как стелется под сенью дремучих лесов тихо и задумчиво, гармонично шумя в камышах и распространяя вокруг неуловимый аромат, могучая русская река, вынося на своей поверхности полевые цветы и оторванные гнезда, отражая в себе бесконечные ландшафты небес и лугов и вдруг снова теряясь в сумраке лесных чащ... Во всей книге мы ясно слышим нескончающую песнь земли и шепот нескольких бедных душ».

«Записки охотника» состоят из двадцати пяти отдельных рассказов. За исключением немногих, все они посвящены изображению крепостных крестьян, их жизни, отношения к ним помещиков.

Самые разнообразные характеры крестьян изображены в «Записках охотника». Тут и крестьяне-практики, сумевшие тяжелым упорным трудом завоевать себе и в условиях крепостной жизни более или менее сносное существование, и, наоборот, совершенно непрактичные люди, идеалисты, одаренные тонкой, чуткой душой, находящие удовлетворение в созерцании и близости к природе и ее красотам; и суровые на вид, но бесконечно мягкие, отзывчивые на чужое горе, и несчастные, совершенно забитые, утратившие свою волю, стремления, запросы, и люди, одаренные артистическими талантами, и нравственно испорченные, потерявшие совесть, и, наконец, такие, которые пони-

мают весь ужас своего положения раба, но смирившиеся, кроткие, с необыкновенным терпением несущие свой тяжелый крест.

Особенно ценно изображение Тургеневым крестьян, наиболее угнетенных крепостным правом, и светлых личностей из народа, одаренных природным умом и развитым нравственным чувством. В «Записках охотника» Тургенев хотел показать, как тяжело и несправедливо крепостное право. Для этой цели и было важно нарисовать с одной стороны загнанных, забитых крепостным правом крестьян, а с другой—таких крестьян, которые по своим дарованиям и достоинствам выделяются не только среди крестьян, но и среди свободного населения, поставленного в более благоприятные условия для своего умственного и нравственного развития.

Изображению забитых крепостным правом крестьян Тургенев в своих «Записках охотника» отводит сравнительно немного места. Обычно в его рассказах они являются второстепенными лицами, о которых говорится сравнительно мало. При этом Тургенев никогда не сгущает красок, не рисует потрясающих душу жестокостей.

Объясняется это несколькими причинами. Во-первых, в то время, когда впервые печатались «Записки охотника», крепостное право считалось естественным, прочно установившимся явлением русской жизни и резко нападать на него в печати не разрешали. Если бы Тургенев стал в своих рассказах больше говорить о тяжести крепостного права, его рассказы не было бы разрешено печатать. Во-вторых, помощиков-извергов, истязавших своих крестьян, в сущности было немного. Большинство помещиков не были жестокими по отношению к своим крестьянам. Тяжесть крепостного права заключалась в том, что крепостные крестьяне были лишены свободы, лишены права самостоятельно, по собственной

воле, устраивать свою жизнь. Помещик мог запретить крестьянам отправиться на заработки, продать или купить корову, перестроить избу, запретить выйти замуж или жениться и, наоборот, женить и выдать замуж по своему усмотрению, переселять из одного имения в другое, брать кого захочет из семьи крепостного к себе в услужение, наказывать за проступки и неповиновение и даже ссылать в Сибирь.

В третьих, наконец, Тургенев сам был настолько мягкий, добрый человек, что не хотел и не умел изображать картины ужасов.

Поэтому теперь нам, которые сами не были свидетелями крепостного права, а знаем его только по наслышке, необходимо с особенной внимательностью читать те места из «Записок охотника», где говорится о крепостном праве, чтобы по ним представить себе во всей полноте всю неприглядную картину крепостного права.

С особенной наглядностью изображена Тургеневым безотрадность положения крепостных крестьян в рассказах «Бурмистр», «Льгов», «Малиновая вода», «Бирюк».

В рассказе «Бурмистр» двое крепостных, узнав о приезде барина, приходят к конторе просить защиты. Оба они босые, в ветхих заплатанных рубахах, подпоясанные веревками. В ожидании выхода барина они становятся на колени, несмотря на то, что на дворе грязь и лужи воды. Помещик, узнав, что крестьяне пришли к нему с просьбой, нахмурился, сдвинул брови; он не любил, чтобы его беспокоили лично, и все дело управления имением поручил своему бурмистру, негодному, злому человеку, из крепостных, с умевшему лестью и ложью сискать расположение барина и оказавшемуся бессердечным и жестоким по отношению к своим же собратьям.

С трудом преодолевая страх и волнение, старший из просителей, шестидесятилетний старик, обясняет барину, в чем дело: бурмистр «замучил совсем, разорил в конец, двух сыновей без очереди в рекруты забрал и третьего отнимает... последнюю коровушку со двора свел... хозяйку избил».

Надежда старика найти помощь и защиту в помещике не оправдывается. Барин рассержен его дерзостью, он всецело на стороне своего бурмистра: крестьяне и должны все отдавать, все платить помещику. Из одной беды старик попадает еще в другую. Барин случайно узнает о числящейся за ним недоимке, и это дает ему повод сильно упрекать старика, в лености, и в пьянстве и т. п. А между тем, этот помещик был образованный человек, жил в столице, интересовался искусством и литературой. Тургенев показал в этом рассказе, как в понятии тогдашнего образованного общества, усвоившего во многом идеи культуры и просвещения, на ряду с этими идеями крепко держались крепостничества, и что многим и в голову не приходило, что идеи просвещения и культуры прежде всего и следовало проводить в отношении к крепостным.

Что подобные помещики были не единичными, Тургенев показывает и в другом рассказе — «Малиновая вода». Крепостной Влас из Орловской губернии пешком пошел в Москву, к барину, просить сбавить оброк, который не под силу ему стало платить за смертью сына работника. Но и тут барин лишь разгневался, раскричался, «как смеешь прямо ко мне ити? на то есть приказчик, ты должен сперва приказчику донести». И пришлось и Власу, как и первым двум крестьянам, вернуться домой ни с чем, с тоской и страхом перед местью и жестокостью, с которыми обращаются на них за жалобы барину бурмистр и приказчик.

Крепостным крестьянам передко приходилось испы-

тывать такую бедность, нужду, голод, что они решались даже на преступление—воровство. В рассказе «Бирюк» Тургенев рисует картину, как оборванный, жалкий, голодный мужик, в ненастную ночь пойманный лесником на месте преступления, когда тот рубил господский лес,—просит лесника отпустить его:

— Отпусти... с голодухи... приказчик... разорены вд как... не погуби. Ваш то, сам знаешь, заест вд как... отпусти... ей Богу, с голодухи... детки пищат... сам знаешь. Круто во как приходится»...

Помещики нередко точно совершенно забывали, что крепостные—такие же люди, как и они сами, и распоряжались ими, как вещами: продавали, покупали, дарили, завещали по наследству, по произволу переводили с одной работы на другую, не считаясь ни с их способностями, ни с силами, ни с возрастом.

— «Дело было осенью,—говорит Тургенев в рассказе «Контора». Уже несколько часов бродил я с ружьем по полям, и, вероятно, прежде вечера не вернулся бы в постоянный двор на большой курской дороге, где ожидала меня моя тройка если бы чрезвычайно мелкий и холодный дождь, который с самого утра неугомонно и безжалостно приставал ко мне, не заставил меня, наконец, искать где-нибудь поблизости хотя бы временного убежища. Пока я еще соображал, в какую сторону пойти, глазам моим внезапно представился низкий шалаш возле поля, засеянного горохом.

Я подошел к шалашу, заглянул под соломенный намет и увидал старика до того дряхлого, что мне тотчас же вспомнился тот умирающий козел, которого Робинзон нашел в одной из пещер своего острова. Старик сидел на корточках, жмурил свои потемневшие маленькие глаза и торопливо, но осторожно, на подобие зайца (у бедняка не было ни одного зуба), жевал сухую, но твердую горошину, беспрестанно

перекатывая ее со стороны на сторону. Он до того погрузился в свое занятие, что не заметил моего прихода.

— Дедушка, а дедушка! — проговорил я.

Он перестал жевать, высоко поднял брови и с усилием открыл глаза.

— Чего? — прошамкал он сиплым голосом.

— Где тут деревня близко? — спросил я.

Старик опять пустился жевать. Он меня не слышал. Я повторил свой вопрос громче прежнего.

— Деревня? — да тебе что надо?

— А вот от дождя укрыться.

— Чего?

— От дождя укрыться.

— Да! (он почесал свой загорелый затылок). —

Ну, ты, тово, ступай, — заговорил он вдруг, беспорядочно размахивая руками: во... вот, как мимо леска пойдешь — вот, как пойдешь, — тут те и будет дорога; ты ее-то брось, дорогу-то, да все направо забирай, все забирай, все забирай... Ну там-те и будет Ананьево. А то и в Ситовку пройдешь.

Я с трудом понимал старика. Усы ему мешали, да и язык плохо повиновался.

— Да ты откуда? — спросил я.

— Чего?

— Откуда ты?

— Из Ананьева.

— Что-ж ты тут делаешь?

— Чего?

— Что ты делаешь тут?

— А сторожем сижу.

— Да что-ж ты стережешь?

— А горох.

Я не мог не рассмеяться.

— Да, помилуй, сколько тебе лет?

— А Бог знает.

— Чай, ты плохо видишь?

— Чего?

— Видишь плохо, чай?

— Плохо. Бывает так, что ничего не слышу.

— Так где ж тебе сторожом то быть, помилуй?

— А про то старшие знают.

«Старшие!» — подумал я и, не без сожаления, поглядел на бедного старика. Он ощупался, достал из-за пазухи кусок черствого хлеба и принял сать, как дятя, с усилием втягивая и без того впавые щеки».

В рассказе «Лыгов» автор «Записок охотника» беседует со стариком-крепостным. Оборванный, взерошенный, он носит странное прозвище «Сучок».

— «Скажи, пожалуйста, — начал я, — давно ты здесь рыбаком?

— Седьмой год пошел, — отвечал он, встрепенувшись.

— А прежде чем ты занимался?

— Прежде ездил кучером.

— Кто же тебя из кучеров расжаловал?

— А новая барыня.

— Какая барыня?

— А что нас-то купила. Вы не изволите знать: Алена Тимофеевна, толстая такая... немолодая.

— С чего же она вздумала тебя в рыболовы произвести?

— А Бог ее знает. Приехала к нам из своей вотчины, из Тамбова, велела всю дворню собрать, да и вышла к нам. Мы сперва к ручке, и она ничего: не серчает. А потом и стала нас по порядку расспрашивать: чем занимался, в какой должности состоял? Дошла очередь до меня; вот и спрашивает: ты чем был? Говорю: кучером. Кучером? Ну, какой ты кучер, посмотри на себя, какой ты кучер? Не след тебе

быть кучером, будь у меня рыболовом и бороду сбрей. На случай моего приезда к господскому столу рыбу поставляй, слышишь? С тех пор, вот, я в рыболовах и числюсь. — Да пруд у меня, смотри, содержать в порядке.. А как его содержать в порядке?

— Чьи-ж вы прежде были?

— А Сергея Сергеевича Пехтерева. По наследству ему достались. Да и он нами недолго владел, всего шесть годов. У него-то вот я кучером и ездил... да не в городе—там у него другие были, а в деревне.

— И ты смолоду все был кучером?

— Какое все кучером! В кучера-то я попал при Сергее Сергеевиче, а прежде поваром был,—но не городским поваром, а так, в деревне.

— У кого ж ты был поваром?

— А у прежнего барина, у Афанасия Нефедыча, у Сергея Сергеевича дяди. Льгов то он купил, Афанасий Нефедыч купил, а Сергею Сергеевичу имение-то по наследству досталось.

— У кого купил?

— А у Татьяны Васильевны?

— У какой Татьяны Васильевны?

— А вот, что в запрошлом году умерла, под Волховым... то бишь под Каравечевым, в девках... И замужем не бывала. Не изволите знать? Мы к ней поступили от ее батюшки, от Василья Семеныча. Она-таки долгонеко нами владела... годиков двадцать.

— Что ж ты у ней был поваром?

— Сперва, точно, был поваром, а то и в кофишении попал.

— Во что?

— В кофишении.

— Это что за должность такая?

— А не знаю, батюшка. При буфете состоял и

Антоном назывался, а не Кузьмой. Так барыня приказала изволила.

— Твое настоящее имя Кузьма?

— Кузьма.

— И ты все время был кофишенком?

— Нет, не все время, был и актером.

— Неужели?

— Как же был... на кеятре играл. Барыня наша кеятр у себя завела.

— Какие же ты роли занимал?

— Чего изволите-с?

— Что ты делал на театре?

— А вы не знаете? Вот, меня возьмут и нарядят; и так я хожу наряженный или стою, или сижу, как там придется. Говорят: вот что говори — я и говорю. Раз слепого представлял... Под каждую веку мне по горошине положили... Как же!

— А потом чем был?

— А потом опять в повара поступил.

— За что же тебя в повара разжаловали?

— А брат у меня сбежал.

— Ну, а у отца твоей первой барыни ты чем был?

— А в разных должностях состоял: сперва в казаках находился, фалетором был, садовником, а то и доезжачим.

— Доезжачим? И с собаками ездил?

— Ездил и с собаками, да убился: с лошадью упал и лошадь зашиб. Старый-то барин у нас был престрогий; велел меня выпороть да в ученье отдать в Москву, к сапожнику.

— Как в ученье? Да ты, чай, не ребенком в доезжачие попал?

— Да лет, этак, мне было двадцать с лишком.

— Какое же тут ученье в двадцать лет?

— Стало-быть, ничего, можно, коли барин прика-

зал. Да он, благо, скоро умер, — меня в деревню и вернули.

— Когда же ты поварскому-то мастерству обучился?

Сучек приподнял свое худенькое и желтенькое лицо и усмехнулся.

— Да разве этому учатся? Стряпают же бабы!

— Ну, — промолвил я, — видал ты, Кузьма, виды на своем веку! Что ж ты теперь в рыболовах делаешь, коль у вас рыбы нету?

— А я, батюшка, не жалуюсь. И слава Богу, что в рыболовы произвели. А то вот другого, такого же, как я, старика — Андрея Пупыря — в бумажную фабрику, в черпальную, барыня приказала поставить. Грешно, говорит, даром хлеб есть»...

Понятно, что при таких условиях из Сучка вышел забитый, всех и всего боящийся человек, неспособный по настоящему выполнить какое бы то ни было дело.

IX.

Вызывая сочувствие к крепостным крестьянам и их тяжелой доле, Тургенев вместе с тем заставляет читателей проникаться глубоким уважением к народу, полюбить его. Этого он достигает путем изображения крестьянских характеров, высокой нравственной чистоты и душевой ценности. Чем безотраднее была окружающая обстановка, тем ярче выделялись их трогательные и чарующие образы.

Крепостная зависимость точно непроходимой пропастью отделяла крестьян от остальных русских людей. Мало знали крестьян и их жизнь; еще меньше могли крестьяне знать жизнь других, более образованных

людей. Крестьяне были предоставлены самим себе. Крестьянину приходилось собственными силами и в своей среде искать удовлетворения врожденным стремлениям человеческой души к знанию и добру. Более чуткие, одаренные и мягкосердечные из крестьян не могли не чувствовать себя одинокими. Невольно развивалась у них мечтательная грусть, сиротливая любовь и чуткое участие к бессловесной природе, почти болезненное сочувствие всему слабому и беззащитному.

Такие люди из крестьян были неприспособлены к будничной, подневольной деятельности, какая только и была доступна в то время крестьянину. В глазах других крестьян они казались странными, юродивыми.

Мечтательного и восторженного Калиныча («Хорь и Калиныч») его друг Хорь добродушно называет шалопаем. Но оказывается, что в «шалопае» более нуждаются другие, чем тот в них. Без него барин на охоте «шагу ступить не мог». Но и Хорь, разумный и сильный, тоже не обходится без услуг Калиныча, никто не мог бы лучше его ухаживать за пчелами, остановить кровь, вылечить от испуга, бешенства, пристроить вновь купленную скотину к новому месту.

Касьян («Касьян с Красивой Мечи») еще «неосновательнее» Калиныча, совсем чудной человек, «как есть юродавец».

У Касьяна необычная внешность. Он «карлик лет пятидесяти, с маленьким смуглым и сморщенным лицом, острым носиком, карими, едва заметными глазками и курчавыми, густыми, черными волосами, которые, как шляпка на грибе, широко сидели на крошечной его головке. Все тело его было чрезвычайно тщедушно и худо, и решительно нельзя передать словами, до чего был необыкновенен и странец его взгляд». Говорил он очень протяжно, и звук его голоса был «чувствительно сладок, молод, почти женски нежен». По лесу Касьян

ходил «необыкновенно проворно и словно все подрыгивал на ходу», беспрестанно нагибался, срывал какие-то травки, совал их за пазуху, «передразнивал и перекликался» с птицами.

За такой странной внешностью скрывалась душа удивительной и своеобразной красоты. Касьян нежно и трогательно любит все живое; природа, лес—для него тоже живое существо. Когда в его присутствии убивают на охоте коростеля, Касьян испытывает глубокое искреннее страдание и долго не может успокоиться.

— «Грех! Ах, вот это грех», шепчет он... «Ну, для чего ты пташку убил?» спрашивает он далее охотника: «станешь ты ее есть! Ты ее для потехи своей убил... Коростель—птица вольная, лесная. И не он один: много ее, всякой лесной твари, и полевой, и речной, и болотной, и луговой, верховой и низовой—и грех ее убивать, и пускай она живет на земле до своего предела»...

Касьяна мучит вопрос, как должна итти жизнь согласно с внутренним законом совести. Он не раз повторяет, что «справедлив должен быть человек». Он ищет правды на земле, в поисках за ней исходил он всю Русь, но нигде не нашел ее, «справедливости в человеке нет», и тоскует душа его и скорбит.

— «И не одна я, грешный, много других крестьян в лаптях ходят, по миру бродят, правды ищут».

В Касьяне Тургенев нарисовал художественный образ простого русского человека, в душу которого заложены высокие нравственные начала и стремления к высшей правде и добру.

Другой образ светлой, прекрасной души Тургенев дал в лице несчастной Лукерии («Живые монстры»). Тяжела судьба Лукерии. Она была первой красавицей на селе, ходотушка, плясунья, счастливая невеста

горячо любимого жениха; ночью, случайно она оступилась и упала с крыльца. И с той поры начала она чахнуть и сохнуть. Из здоровой, цветущей девушки в короткий срок она превратилась в старуху, кожу да кости, в «живые мозги». Она не могла ни ходить, ни двигаться, даже говорила шепотом. Целые дни лежала она одинокая в сарае; все уходили с утра в поле и оставляли ей кружку воды и что нибудь поесть; только девочка-сиротка, такая же одинокая, как она, изредка заглядывала к ней в сарай.

Но горькая перемена и постоянные страдания не озлобили душу Лукерья. Она безропотно покоряется своей судьбе; она считает, что с другими бывают и хуже несчастья. Она горячо любит природу и находит высокое наслаждение и удовлетворение в общении с ней. Она наблюдает все, что происходит вокруг нее—как пчелы жужжат на пасеке, как на крыше воркуют голуби, как ласточка кормит в гнезде птенцов, как наседка водит цыплят; раз забежал к ней в сарай зайчик и доставил ей большую радость...

Лукерья любит людей. Ей не хочется быть им в тягость, вызывать отвращение. О себе она не думает. Когда автор рассказа спросил ее, не надо ли ей чего-нибудь, не может ли он чем-нибудь ей помочь, Лукерья говорит:

— «Ничего мне не нужно, всем довольна, слава Богу! Дай Бог всем здоровья! А вот вам бы, барин, матушку свою уговорить—брестяне здешние бедные, хоть бы малость оброку она с них сбавила! Земли у них недостаточно, угодий нет... Они бы за вас Богу помогли... А мне ничего не надо, всем довольна».

Глубокое впечатление производит образ лесника Фомы в рассказе «Бирюк». На вид—это суровый, не-приветливый человек, зорко стерегущий хозяйское добро, добросовестно исполняющий свои тяжелые обязанности.

Окрестные крестьяне боятся и не любят его——«вязанки хворосту не даст утащить; в какую бы то ни было пору, хоть в самую полночь, награнет, как снег на голову——и ты не думай сопротивляться: силен и ловок, как бес. И ничем его взять нельзя: ни вином, ни деньгами, ни на какую приманку не идет».

Но нелегко Фоме быть лесником. Тяжелая душевная борьба все время происходит в нем. Два чувства борются в нем: долг перед помещиком, поручившим ему стеречь лес, и жалость к своим собратьям, крестьянам, которых,—он хорошо это знает,—горькая нужда заставляет воровать. Тем тяжелее Фоме, что никто не понимает его, все видят в нем лишь врага, жестокого, беспощадного, и не подозревают той душевной тоски и муки, какую испытывает его доброе, любящее сердце всякий раз, когда он поймает несчастного вора.

Изображением детей (*«Бежин луг»*) Тургенев дополняет картину самобытных нравственных достоинств русского крестьянства.

«Бежин луг»—подлинный луг, в Мценском уезде, вблизи имения Спасского. У костра—кружок из пяти мальчиков. Старшему—шесть четырнадцать, младшему всего семь. Они пригнали табун лошадей «в ночное» и незамысловатой беседой у костра коротают летнюю ночь. И в этой беседе, невольным свидетелем которой становится барин-охотник, отражаются и взгляды и воззрения крестьянской детворы, с их суевериями, невзгодами, мечтами и надеждами, обрисовываются характеры мальчиков.

Происходя из необразованной среды, сами чужды какого бы то ни было образования, мальчики верят, как в несомненное, в существование домовых, русалок, леших, водяных, в то, что умершие могут ночью выходить из могил и бродить по земле. Если бы они получили хоть первоначальное образование, они знали

бы, что на самом деле ничего такого нет. Они тогда понимали бы, что ночью, когда затихают все звуки дневной жизни, каждый шорох листьев, всплеск воды, шаги кошки, собаки, крысы, мыши слышатся с особой отчетливостью, и не приписывали бы эти звуки каким-то сверхъестественным причинам и существам. Они поняли бы, что туман ложится иногда самыми причудливыми очертаниями, в зависимости от почвы, и что усталым глазам нетрудно увидеть в этих очертаниях какую угодно фигуру, и что хмельной Ермил мог легко принять заблудившегося в лесу барашка за какого-то выходца из могилы.

Мальчики—от природы смысленные. Где можно разобраться своим умом, догадкой, они разбираются очень удачно. Один из мальчиков высказывает совершенно верное предположение, что жалобный крик из «буцила» *)—не голос утопленника, а попросту крик лягушек.

Существовавшее среди народа суеверие, что перед «светопреставлением» придет на землю какой-то Тришка и что началом светопреставления будет «предвиде́ние небесное», не помешало крестьянскому мальчику не без юмора рассказать, как все в деревне перепугались солнечного затмения.

— «На дворовой избе баба-стряпуха, так та, только затмнело, слышь, взяла да ухватом все горшки перебила в печи: «кому теперь есть, говорит, наступило светопреставление». Так шти и потекли. А у нас на деревне такие слухи ходили, что, мол, белые волки по земле побегут, людей есть будут, хищная птица полетит, а то и самого Тришку увидят...

Говорили старики, что вот, мол, как только предвиде́ние небесное зачнется, так Тришка и придет.

*) Глубокая яма, наполненная водой, оставшейся после половодья, которая не пересыхает даже и летом.

Вот и началось предвиденье. Высыпал весь народ на улицу, в поле, ждет, что будет. А у нас, вы знаете, место видное, привольное. Смотрят — вдруг от слободки с горы идет какой-то человек, такой мудреный, голова такая удивительная... все как крикнут: «ай, Тришка идет! ай, Тришка идет!» да кто куды! Староста наш в канаву залез; старостиха в поворотие застрияла, благим матом кричит, свою же дворную собаку так запужала, что та с цепи долой, да через плетень, да в лес; а Кузькин отец, Дорофеич, вскочил в овес, присел да и давай кричать перепелом: «авось, мол, хоть птицу-то враг, душегубец, пожалеет». Таково-то все переполошились!.. А человек-то это шел наш бочар, Бавила; жбан себе новый купил да на голову пустой жбан и надел».

В рассказе «Бежин луг» крестьянские дети изображены такими, что достаточно было бы дать им хорошее воспитание и образование, чтобы из них вышли во всех отношениях ценные люди.

Автор «Записок Охотника» рисует нам Павлушу, которым любуется сам в ту минуту, когда мальчик один бросается спасать своих коней от предполагаемого волка.

— «Я невольно полюбовался Павлушей», — говорит он. — «Он был очень хорош в это мгновение. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ездой, горело смелой удалью и твердой решимостью. Без хворостишки в руке, ночью, он панико не колеблясь, поскакал один на волка. Что за славный мальчик, думал я, глядя на него».

Изображает Тургенев и будущего мечтателя, в лице мальчика Кости, который так чутко относится к красотам природы и самые суеверия воспринимает почти исключительно в светлых поэтических красках.

У внимательного читателя «Бежина луга» невольно

должно было явиться грустное чувство при мысли, что из таких детей, какие изображены в этих рассказах, потом, когда они вырастут, под тяжелым влиянием крепостного права, выйдут не только рассудительные Хори, трогательные Калинычи и Касьяны, но и такие забытые, несчастные, какими являлись крестьянин в рассказе «Бирюк», каков Сучок, старик-сторож («Контора») и т. п.

На грустные размышления наводил читателя и другой рассказ Тургенева—«Певцы». В нем автор изобразил состязание двух народных певцов, на котором Тургенев действительно сам присутствовал.

В невзрачном деревенском кабачке собралась небольшая компания послушать двух певцов. Все эти люди, много видавшие и испытавшие в жизни, большинство—зачерствевшие и огрубевшие в тяжелой жизненной борьбе. Однако, они понимают толк в пении, поддаются очарованию подлинно художественной, из глубины просветленной вдохновением души льющейся песни.

«Не одна во поле дороженька пролегала», пел Яков, второй из певцов,—«и всем нам,»—говорит автор, —«сладко становилось и жутко. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем, и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны... Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо-широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали в сердце и поднимались к глазам слезы; глухие, сдержанные рыдания внезапно поразили меня... я оглянулся—жена целевальника плакала, припав грудью к окну. Яков бросил на нее быстрый взгляд, и залился еще звонче, еще слаше прежнего; Николай Иваныч потупился, Моргач отвернулся, Обалдуй, весь разнеженный, стоял глаупо разинув рот; серый мужичок Тихонъко всхли-

повал в уголку, с горьким шепотом покачивая головой; и по железному лицу Дикого-Барина, из-под совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза».

Автор «Записок охотника» не прикрашивает действительности. Двумя страницами дальше, в том же рассказе он говорит, какой он увидел всю компанию через несколько часов, в тот же вечер:

— «Я увидел невеселую, хотя пеструю и живую картину: все было пьяно—все, начиная с Якова».

Автор не хочет, однако, оставить читателя под таким безотрадным впечатлением, и он заканчивает рассказ картиной надвигающейся тихой летней ночи, в неподвижно, чутко дремлющем воздухе которой, звонко разносился голос мальчугана.

Гораздо меньше уделяет Тургенев в «Записках охотника» места народным типам людей, нравственно испорченным под влиянием крепостного права—дворовым и кулакам, а также типам помещиков. Все они имеют для Тургенева цену только постольку, поскольку изображение их содействует правильному пониманию условий жизни крепостных крестьян. Поэтому Тургенев очень мало говорит о хороших людях среди помещиков, а больше рисует таких, которые безразлично относились к своим крестьянам или употребляли во зло свою власть над ними. Среди изображаемых Тургеневым помещиков умных и добрых людей мало, большинство—люди недалекие, которые стоят по своим природным умственным дарованиям и развитию и душевной чуткости ниже, чем такие крепостные крестьяне, как Хорь, Калныч, Касьян, Лукерья, Бирюк.

Таков, например, барин практического Хоря, г. Попутыкин. Все в области его барской жизни и деятельности сводится к странным мелочам: он «занялся; называл свою собаку Астрономом; вместо «однако»

говорил «однажды» и завел у себя в доме французскую кухню, тайна которой, по понятию его повара, состояла в полном изменении естественного вкуса каждого кушанья: мясо у этого искусника отзывало рыбой, рыба — грибами, макароны — порохом, зато ни одна морковка не попадала в суп, не приняв вида ромба или трапеции».

X.

«Записки охотника» произвели сильное впечатление на русское общество.

— «Вооруженный любовью», — говорит о Тургеневе один из тонких ценителей русской литературы, — «как бы следуя будущим словам Некрасова: «иди к униженным, или к обиженным и будь им друг!» — выступил Тургенев на обличение крепостного права. Эта любовь к крепостному человеку — к крестьянину и дворовому, — ничем не задуваемая, яркая и согревающая светится на всех страницах «Записок охотника»! Она вливается в душу читателя и несомненно заставляла многих добрых и порядочных, но близоруких или ослепленных людей прозреть и, почувствовав в каждом из незаметных героев «Записок охотника» брата, почуять в крепостном складе жизни своего нравственного врага.»

Чтение «Записок охотника» в известной мере повлияло и на Александра II, в принятом им, вопреки всевозможным противодействиям решении — освободить крестьян.

Тургенев сам говорил одному французскому писателю: «император Александр II велел сказать мне, что моя книга была одним из главных двигателей его решения». Тургенев имел полное право плакать умиленными слезами душевного удовлетворения на молебне,

заказанном им в Париже, по поводу 19 февраля 1861 года, вместе со стариком - декабристом князем Волконским. «Для твоего памятника», — сказал один французский писатель, провожая прах Тургенева в Россию, — «достаточно будет обрыка цепи, брошенного на могильную плиту; твое честное самолюбие было бы удовлетворено таким мавзолеем, и этот символ громко говорил бы о том, что ты сделал для своей родины». Общественное значение «Записок охотника» не исчерпывалось этим.

Подрастающее молодое русское поколение в больших городах и в особенности в Петербурге, дети чиновников, купцов и т. п.—обычно не имели правильного представления о русской народе, а часто и совершенно не знали его. Редкое соприкосновение с извозчиками и людьми других отхожих промыслов было недостаточно, чтобы дать им ясное представление о крепостных крестьянах и бесправных условиях их быта. В тогдашней русской литературе крестьян, за исключением Григоровича и отчасти Даля, почти не изображали, а в тех произведениях, где их выводили, о крестьянах упоминалось вскользь; даже речь крестьян в этих рассказах не походила на настоящий русский язык.

Тургенев в своих «Записках охотника» познакомил молодое поколение с жизнью и языком русского народа, дал возможность заглянуть в его душу, оценить тот тихий свет, который в ней горит, несмотря на кору невежества, понять его скорби и полюбить его.

«Записки охотника» вышли в свет в то время, когда образованное русское общество страстно желало освобождения крестьян, когда оно знало, что работа по подготовке к освобождению крестьян уже кипит, и когда оно с жадностью ловило все, что имело отношение к крестьянской свободе. Понятно поэтому, что в то время русское общество на эту именно мысль

обратило особенное внимание в «Записках охотника», она заслонила все остальное, весьма ценное, что там содержалось.

В «Записках охотника» приходится удивляться полноте, жизненности и верности изображения выведенных в них лиц и множеству мастерских картин великорусской природы, проникнутых удивительной поэзией и красотой.

Обыкновенно нарисованные Тургеневым картины природы по своему характеру находятся в полном соответствии с содержанием рассказа. Своими описаниями природы Тургенев подготовляет у читателя такое настроение, при котором он легче и глубже может понять все, что дается в содержании рассказа. Большой интерес в этом отношении представляют, например, описания природы в рассказах «Бежин луг», «Бирюк», «Певцы», «Живые мозги».

Тургенев обладал каким-то особым талантом вбирать в свою душу все затаенные краски природы. Он чувствует ее всю, с ее красотой и душою.

Он умел «по одному шуму листьев» узнавать время года. Говор листьев поражал его слух различной музыкой в разные периоды кратковременной жизни. И какие он дает верные, живые определения этому таинственному языку, сразу понятные и для наших не чутких ушей! «Смеющийся трепет весны», «мягкое шушуканье и долгий говор лета», «дремотная болтовня ранней и холодное лепетанье щедрей осени». Он знал голос каждой птицы и умел характеризовать его. Так, в одном из рассказов он отмечает «насмешливый голосок синицы». Каждое дерево было для него особым существом, отличалось для него своей фигурой и листьями, как живыми чертами лица.

По «Запискам охотника» можно проследить, как развивался писательский талант и художественные

приемы Тургенева. Первый по времени рассказ из «Записок охотника»—«Хорь и Калиныч» заметно отличается от всех позднейших по манере: это скорее бытовой очерк, где главное место отводится характеристикам, которые даются почти исключительно путем авторских описаний. В этом рассказе Тургенев особенно охотно придает характерную окраску языку, нарочно вставляет орловские словечки в речь крестьян и, разъясняя в примечании местные названия различных предметов, включает бытовые особенности края (например, продажа кос и скупка тряпок «орлами»), не имеющие тесной связи с содержанием рассказа.

В письме к Аксакову Тургенев писал: «Что касается провинциальных выражений *), то, к несчастью, я сам их незаметно употребляю в разговоре—и покойный критик В. Г. Белинский всегда называл меня «орловцем, не умеющим говорить по-русски».

Печатая впервые свои рассказы, из которых впоследствии составился том «Записок охотника», в журнале «Современник», Тургенев, из-за недостаточного в то время знакомства с русским языком, употреблял от своего лица такие, например, выражения: «аржаной хлеб», «нагинался», «фершел», «заплаканный мужик» и др. Потом Тургенев заметил эти неправильности, и в следующем издании «Записок охотника» их уже не было.

Подготавливая к печати новое издание «Записок охотника», Тургенев проделал большую работу над стилем каждого рассказа. Почти каждый рассказ носит на себе следы тщательной, часто мелкой и тонкой отделки:

*) Т. е. таких, которые употребляются только в какой либо местности и не применяются в литературном языке. В художественных произведениях ими можно пользоваться, только передавая разговор людей, живущих в данной местности.

там добавлено какое-нибудь, поясняющее выражение, тут, наоборот, вычеркнуто что-нибудь лишнее, какое-нибудь неудачное слово, пояснена мысль, добавлены какие-нибудь черты в картине природы и т. п.

В конце эпилога «Лес и степь» есть беглая дорожная встреча: «Грузная карета, запряженная шестериком рослых лошадей, плывет вам навстречу», — так изложено это место в «Современнике». В издании 1852 года образ этот, обогащенный рядом подробностей превратился в типичную, живую картинку: про карету прибавлено — помещичья, про лошадей — разбитых, а в конце приписано: «Из окна торчит угол подушки, а на запятках, на кульке, придерживаясь за веревочку, сидит боком лакей в шинели, забрызганный до самых бровей». Здесь прибавление трех строчек открыло перед нами целый уголок быта и нравов, подобно тому, как это умел делать в своих поправках Гоголь. Наконец, большое описание летнего туманного дня в этом же эпилоге, кончающееся чарующей картиной постепенного таяния тумана от лучей солнца — все было написано для отдельного издания. В «Современнике» его нет.

XI.

Любовь Тургенева к русскому народу проявилась не только в «Записках охотника», но и в его личной жизни.

Выросший среди побоев и истязаний, Тургенев, как он сам о себе писал, не осквернил руки своей ни одним ударом. Очевидец рассказывает, как доброта Тургенева «иногда и без всякой борьбы подчиняла волю даже и Варвары Петровны. При нем она была совсем иная, и потому в его присутствии все отдыхало, все жило. Его редких посещений ждали, как блага. При

нем мать не только не измышляла какой-нибудь вины за кем-либо, но даже и к настоящей вине относилась снисходительнее; она добротушествовала как бы ради того, чтобы заметить выражение удовольствия на лице сына».

В 1850 г. умерла Варвара Петровна, и Тургенев сделался полновластным хозяином многочисленных земель, доставшихся ему по наследству после матери и раздела с братом. Он немедленно отпустил всех дворовых на волю и перевел на легкий оброк всех крестьян, которые этого пожелали. На волю их Тургенев не отпустил, опасаясь, что в таком случае без его защиты они сделаются жертвой алчности местного начальства. Недаром такую мысль он вложил в уста одного из своих героев в рассказе «Хорь и Калиныч».

При освобождении в 1861 г. крестьян от крепостной зависимости, Тургенев предоставил им разные льготы и потом редкий год до своей смерти не дарил своим бывшим крепостным леса на постройку и поправку изб.

В письмах Тургенева к управляющему его имением, теперь хранящимся в Петроградской Публичной Библиотеке, сохранилось много следов заботливости Тургенева о своих бывших крепостных крестьянах. Он устроил для них богадельню, больницу, не жалел на это денег, завел школу, построил для нее здание, на свои средства содержал учителя, приобретал для школы книги, следил за ее процветанием. Его внимание к школе доходило до того, что он постоянно спрашивался о ней в письмах из-за границы. В одном из таких писем Тургенев, например, пишет: «Что сделалось с умным мальчиком Никитой, которого я видел третьего года в школе и который делал такие успехи? Жив ли он и продолжает ли хорошо учиться? И как идет вообще школа?» В другом письме говорится: «Мне приятно

слышать, что Никита Герасимов продолжает хорошо учиться и вести себя: прошу наблюдать за ним и оказывать всякое вспомоществование». Мучимый тяжелой предсмертной болезнью, окончательно приковавшей его к постели, Тургенев писал своим крестьянам 4 сентября 1882 года: «Жалею, что ваши дети мало посещают школу. Помните, что в наше время безграмотный человек —то же, что слепой или безрукий».

Велико было у Тургенева знание и понимание русского народа. Много сил и труда, сердечной доброты и участия потратил он, чтобы близко подойти к русскому крестьянину, заглянуть в его душу. Но и Тургенев, так метко и чутко рисовавший русских крестьян, иногда останавливался в недоумении перед крестьянской жизнью.

«Русский народ — самый странный и самый удивительный народ в мире,— писал Тургенев в 1852 году, приготовив к отдельному изданию свои «Записки охотника».

Ту же мысль он высказал и незадолго перед смертью, в стихотворении в прозе «Сфинкс».

XII.

После смерти матери Тургенев почти все время жил за границей. Там он написал почти все свои рассказы, повести, романы и драматические произведения.

Ему дано было счастье творчества, но не было дано счастья жить на родине и иметь семью. Это не раз накладывало отпечаток грусти и на его личные настроения, и на его творчество.

— «Женитесь, непременно женитесь», — с затаенным страданием говорил Тургенев одному собеседнику года за три до смерти. — «Вы себе представить не мо-

жете, как тяжела одинокая старость, когда поневоле приходится ютиться на краюшке чужого гнезда, получать ласковое отношение к себе, как милостыню, и быть в положении старого пса, которого не прогоняют только по привычке к нему и из жалости к нему. Послушайте моего совета! Не обрекайте себя на такое безотрадное будущее!

Печаль Тургенева редко, впрочем, носила личный характер. Он больше думал о других, чем о себе, и, видя вокруг себя человеческое страдание и несовершенство жизни, скорбел не за себя, а за всех, скорбел, что жизнь не так прекрасна и люди не так совершенны, какими они должны быть.

Такая скорбь Тургенева нашла себе отражение в его «Стихотворениях в прозе», этих изумительных по своей художественной прелести миниатюрных созданиях его творчества.

В них глубина и богатство мысли образуют целое миросозерцание, облечено в высоко-поэтическую форму; по сжатости художественной формы и богатству в то же время содержания они являются единственными в русской литературе. Здесь Тургенев затронул едва ли не все основные идеи своего творчества и дал важнейшие черты своей нравственной личности. В «Стихотворениях в прозе» отразилось и живое, горячее сочувствие всем несчастным, обездоленным, угнетенным, и преклонение перед красотой подвига, увлечение поэзией, любовь к природе и людям; в них звучат и горькое чувство одиночества, и мучительное сознание ничтожества человека и всего живущего перед смертью, и отвращение к людской пошлости, несправедливости и злобе, и благоговейное чувство любви к родине и русскому народу, и трогательное преклонение перед великим учителем—Пушкиным.

Вот образцы этих стихотворений.

Два богача.

Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных и призрение старых — я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разоренный домишко.

— Возьмем мы Катьку, — говорила баба: последние наши гроши на нее пойдут, — не на что будет соли добыть, похлебку посолить...

— А мы ее... и не соленую, — ответил мужик, ее муж. Далеко Ротшильду до этого мужика!

Русский язык.

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мae поддержка и опора, о, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! — Не будь тебя, — как не впасть в отчаяние, при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

Любовь Тургенева к русскому человеку и к русской земле, так нежно и красиво выраженная в «Деревне» («Стихотворение в прозе»), не была слепою, способною видеть одни лишь достоинства и упорно закрывать глаза на недостатки. Устами героя одного своего произведения он говорит: «страстно люблю, и страстно ненавижу странную, милую, скверную, дорогую родину».

Из трогательной любви к родине и русскому народу Тургенев до боли чувствовал их недостатки. В русских людях его возмущало безволие, затрата больших природных сил на пустяки, отсутствие настойчивости и выдержки. С горечью отмечал Тургенев, что жизнь русского образованного человека наполняет не творческая деятельность, не жажда созидания, а бесплодное «ковыряние» в собственной душе.

XIII.

Лето 1881 года Тургенев провел у себя в Спасском, где гостило семейство поэта Я. П. Полонского. Ему жилось легко и привольно среди друзей, ему приятно было видеть себя окруженным детьми.

Переживший печальное детство, Тургенев нежно любил детей, и дети любили его. И тогда в Спасском он много времени проводил с детьми, рассказывал им сказки.

Две из таких сказок были записаны его другом, Я. П. Полонским. Вот эти сказки:

Самознайка.

Жили были два мальчика—два брата. Один из них был самоуверен и нерассудителен, другой—рассудитель но-мнителен. Первого из них звали Самознайка, так как он ни над чем не замыгался и постоянно воскликдал:

— О! это я знаю! Это я знаю!

Другого мы будем называть просто—Рассудительный. Это же были ве настоящие их имена, а прозвища.

В окрестностях, где жили мальчики, был старый, густой и заброшенный сад, и сказали им, что в этом саду есть пещера, и что тот, кто найдет ее и проникнет, получит клад; но, чтобы войти в нее, надо произнести два слова и чтоб каждое слово состояло из трех слогов».

Самознайка и говорит брату: — Пещера!? Какая пещера?! О, я знаю, я ее видел, я сейчас же пойду и найду ее.

Пошел. Долго искал, страшно устал и ничего не нашел.

Рассудительный, напротив, стал мало по малу расспрашивать старых людей, и один дряхлый, очень дряхлый садовник указал ему спрятанную в зелени голубую дверку:

— Вот тут пещера—сказал он.

— Ну так и есть, я знал, что голубая дверка—заметил Самознайка, когда брат рассказал о своем открытии.

— Я это знал, я мимо нее проходил.. и тотчас же пойду, скажу два слова и войду в нее.

Побежал, наговорил кучу трехсложных и паре слов, но дверка нэ отворилась.

Вслед за ним пошел Рассудительный и сказал:

— Пе-ще-ра от-во-рись!

И она отворилась. И вошел он в сумрачный грот, и видит: в гроте сидит зеленая женщина или фея. Очень удивился.

Зеленая фея приняла его недружелюбно; он ясно видел, что она на него зла, и что ей досадно.

— Ну х рошо, сказала она,— я отдам тебе клад, только с уговором—возми с'ешь это зеленое яблоко, я хочу тебя им угостить.

Рассудительный подумал, подумал и не взял этого яблока.

— Ведь она,—рассуждал он,—приняла меня недружелюбно, из каких же благ она станет угощать меня.

— Нет,—сказал он,— я лучше приду в другое время.

Не взял у нее яблока и ушел. Рассказал об этом брату.

— Ах какой же ты! Как тебе не стыдно!—стал стыдить его брат:—феи всегда угощают яблоками. Я это слышал... я это знаю.

И тотчас же побежал в пещеру.

— Пещера, отворись!

Пещера отворилась. Самозванка смело вошел и увидел зеленую женщину, тотчас же взял яблоко и стал есть его. С'ел и вдруг чувствует, что формы его меняются, что он все делается меньшее, меньшее и меньшее...

Фея превратила его в ящерицу.

II.

Рассудительный долго ждал брата и не дождался. Он знал, что брат побежал в пещеру и пошел искать его.

— Где мой брат?—спрашивал он зеленую женщину.

— Не знаю,—отвечает ему зеленая женщина.

Он поглядел ей в глаза и усумнился.

— Ну, а я до тех пор не выйду, пока ты мне не скажешь, где мой брат.

Зеленая женщина знала что если человеческое существо в ее гроте пробудет с ней два часа, она пропала—она должна будет уступить все свои сокровища и исчезнуть. Но до двух часов оставалось еще не мало времени, и она упрямилась.

Вдруг, видит Рассудительный, что одна из ящериц подбегает к нему, поднимает свою головку, глядит ему в глаза, прижимает к себе свои передние лапки и даже, показалось ему, старается перекреститься.

— Уж не это ли мой брат? — подумал Рассудительный.

— Не уйду, — сказал он решительно, — пока не увижу брата.

Время шло. Делать было нечего, фея произнесла какие то кабалистические слова и дотронулась до ящерицы жезлом своим.

И вдруг эта ящерица стала пухнуть, пухнуть, расти, расти... вдруг шкурка ее лопнула, и выскочил из нее Самознайка.

— Вот и я? — воскликнул он, как ни в чем не бывало.

Зеленая же фея, чтобы как нибудь избавиться от посещений их предложила Рассудительному взять у нее на довольно большую сумму золота и серебра, с тем, чтобы он уже больше не посещал ее.

Рассудительный не был жаден, взял деньги и поделился с братом.

Получив деньги, Самознайка тотчас отправился путешествовать. Где-то на дороге заехал он в гостиницу, велел подать себе самой дорогой обед, и главное устриц, о которых он слыхал, как лакомом блюде, и о которых не имел никакого понятия.

— Прикажете вскрыть? — спрашивает его слуга.

— Вскрыть! какой вздор! Подайте мне их в целости, я не желаю, чтобы их вскрывали.

Ему приносят устрицы в раковинах. Он начинает их грызть и никак не может. Все смеются.

— Тфу! какие старые устрицы вы мне подали! — говорит Самознайка.

И уезжает, сопровождаемый хохотом всей трактирной прислуги.

Долго-ли, коротко-ли путешествовал наш Самознайка, — неизвестно; известно только, что он порастранжирил все свои деньги и наконец заехал в какое-то очень далекое и очень своеобразное государство. Тут узнал он, что царь хочет в саду своем поставить павильон и выбирает для этого самых лучших архитекторов.

Самознайка тоже является к царю и уверяет его, что строить он умеет так, как никто, и что выстроит он ему не павильон, а чудо.

Царь, пораженный его молодостью, поручает ему постройку.

Строет, строет Самознайка, и удивляет всех архитекторов: все у него валится, а крыша покрывается картонной бумагой. Наконец, архитекторы докладывают царю, что Самознайка не только взялся не за свое дело, но не знает даже таблицы умножения.

Повели Самознайку на допрос. После допроса Самознайка сказал царю, что он все знает, но что в его государстве совсем не та ариеметика, и что там, в его отечестве, считают совсем иначе.

Оставили его достраивать павильон.

Пришел сам царь и видит, что павильон оклеен бумагой и, покрыт картоном. Царь так рассердился, что Самознайка осмелился обмануть его, что тотчас же велел засадить его в тюрьму.

Рассудительный, узнав, что брат его в тюрьме, решается ехать и, во что бы то ни стало, спасти его. Он покупает стражу и уговаривается с Самознайкой бежать из города. Все им удается, как нельзя лучше, но Самознайка уверяет брата, что он хорошо знает, какой дан караулам пароль на этот день, завирается, на заставе, при выходе из города, его ловят и опять сажают в тюрьму.

По приказанию царя его приговаривают к спринцовочной казни, изобретенной в этом государстве, совершающей всегда в присутствии всего двора.

III.

Давно уже Самознайка слышал об этой спринцовочной казни, и так как он видел не раз в аптеках различные спринцовки—думал, что эта казнь больше ничего, как потеха.

— Ну,—думает он,—что за беда, что будут в меня брызгать. Все это пустяки,—все это вздор эта казнь!

И очень храбрился он в своем заточеньи.

Наступил, наконец, и день самой казни. За ним пришли. Самознайка вдруг испугался, стал плакать и рваться.

Но как он ни плакал, как ни вырывался из рук, привели его в огромную залу, наполненную высшими представителями правосудия и придворными.

Царь сидел и смотрел на приготовления.

Самознайку раздели и посадили на возвышеный, спиной к открытому окну.

Против скамьи, куда посадили Самознайку, стояла колоссальная спринцовка, поршень которой натягивался посредством особенного механизма с пружинами.

Спринцовку эту одним передним концом погрузили в огромный чан и поршнем стали натягивать воду.

Наконец, поршень вытянули, закрепили и трубку стали наполнять на Самознайку, который был бледен, как смерть, и весь дрожал от страха.

— Пущай! — крикнул царь.

И вдруг из спринцовки с шумом, точно выстрел, вылетела широкая струя холодной воды. Струя эта была так сильна, что Самознайка не мог удержаться и, подхваченный силой воды, вылетел вместе с нею в открытую настежь окошко.

IV.

За оконшком был царский фруктовый сад, где множество было вишень. Вишни эти только что были собраны и лежали на земле в виде огромных куч.

К счастью для Самознайки, он, вылетев в окошко, упал и ткнулся именно в одну из таких вишневых куч и тотчас же зарылся в ягодах.

Царь немедленно приказал во что бы то ни стало, живого или мертвого отыскать его. Но сколько ни искали его в саду, никто нигде не мог отыскать его.

Царь очень рассердился, топнул ногой и об'явил, что он всех судей, всей сторожей и даже жен и дочерей их подвергнет точно такой же спринцовочной казни.

Но все поиски оказались тщетными. Придворные трепетали за участь своих родных и знакомых.

В это время в городе оказался Рассудительный. Следя за участью брата и узнавши от придворных, что брат его пропал, точно улетел, что он, вероятно, какойнибудь колдун и что беда, большая беда всем, если ее найдут его.

Рассудительный подумал и отправился к царю.

— Так и так, — говорит, — позвольте мне отыскать Самознайку, может быть, я найду его.

— Хорошо, — говорит царь, — ступай, вщи, и беда твоя, если ты мне не найдешь его.

Рассудительный взял с собой кое-кого из прислужников, пошел осматривать сад и подошел к тому окошку, из которого вылетел несчастный брат его.

— Брат! где ты? откликнись! — кричал Рассудительный.
Молчание.

— Самознайка! где ты? подай голос!
Ни гу-гу.

Самознайка, наевшись вишень, сидел в своей куче и не подавал голоса.

— Хорошо-же! — подумал Рассудительный и завел разговор со своими провожатыми.

— А что, братцы, — спросил он, — знаете вы, сколько частей света?

Те подумали и отзвались незнанием.

— А я знаю! — пропищал чей то голос из вишневой кучи. Самознайка не вытерпел, чтобы не показать своего знанья и выдал себя. Его тотчас же и нашли, вытащили из кучи, всего выпачканного в вишневом соку, с сизыми губами и полным животиком.

Рассудительный не дал Самознайке ни вымыться, ни оправиться, и не без умысла, в таком виде повел его к царю — он знал, что царь расхохочется. И действительно царь расхохотался и уж готов был Самознайку простить и отпустить на все четыре стороны.

— Ха-ха-ха. — хохотал он. — Хорош, ты клистирный архитектор! — Ну а разве ты знаешь сколько частей света?

— Знаю. — смело и весело отвечал Самознайка.

— Ну, сколько-же по твоему?

— Шесть, — отвечал Самознайка, — Европа Азия, Африка, Америка и Австралия.

— Тут только пять, какая же шестая?

— Какая шестая? — сказал Самознайка не без некоторой наглости, — а шестая часть света это — География.

— Не слыхал я о такой части света, — сказал царь, — а если есть такая часть света, то я дам тебе солдат в провожатые, велю держать тебя на цепи, чтоб ты не убежал; а ты садись верхом и поезжай в эту Географию, покажи им шестую часть света и привези мне оттуда фруктов, — я хочу знать, какие фрукты растут в Географии.

Капля жизни.

У одного бедного мальчика заболели отец и мать; мальчик не знал, чем им помочь и сокрушался.

Однажды кто-то говорит ему: есть одна пещера, и в этой пещере ежегодно в известный день на своде появляется капля, капля чудодейственной живой воды, и

кто эту каплю проглотит, тот может исцелять не только недуги телесные, но и душевые немоши.

Скоро ли, долго ли, незвестно, — только мальчик отыскал эту пещеру и проник в нее. Она была каменная, с каменным, растрескавшимся сводом.

Оглядевшись, он пришел в ужас—вокруг себя увидел он множество гадов самого разнообразного вида, с злыми глазами, страшных и отвратительных. Но делать было нечего, он стал ждать. Долго ждал он. Наконец, видит: на своде появилось что-то мокрое, что-то в роде блестящей слизи, и вот понемногу стала навертываться капля, чистая, как слеза и прозрачная. Казалось, вот, вот она набухнет и упадет. Но едва только появилась капля, как уже все гады потянулись к ней и раскрыли свои пасти. Но капля, готовая капнуть, опять ушла.

Нечего делать, надо было опять ждать, ждать и ждать.

И вдруг снова увидел он, что мимо него, чуть не касаясь щек его, потянулись кверху змеи, и гады разинули пасть свою. На мальчика нашел страх—вот, вот, он думал, все эти твари бросятся на меня, вонзят в меня свои жала и задушат меня; но он справился с своим ужасом, тоже потянулся кверху, и—о чудо! Капля живой воды капнула ему прямо в открытый рот. Гады зашипели, подняли свист, но тотчас же посторонились от него, как от счастливца, и только злые глаза их поглядели на него с завистью.

Мальчик не даром проглотил эту каплю—он стал знать все, что только доступно человеческому пониманию, он проник в тайны человеческого организма и не только излечил своих родителей, стал могуществен, богат и слава о нем далеко пошла по свету.

XIV.

В августе Тургенев уехал за границу, обещая вернуться в Россию даже раньше лета. Но возвратиться в Россию ему уже не пришлось. Зимой он захворал. Мучительная болезнь тянулась месяцы. Он не мог ни стоять, ни ходить, чтобы не начались невыносимые боли. Но бодрость духа у Тургенева была изумительная. До последних дней жизни он не переставал инте-

ресоваться, думать, заботиться о всех. Он поддерживает советами Григоровича, обдумывавшего в это время новый роман, жалеет больного Гончарова, наконец, чуть не накануне смерти пишет карандашом последнюю просьбу Л. Н. Толстому:

— «Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! Ведь этот дар вам оттуда, откуда все другое. Ах, как бы я был счастлив, если бы мог подумать, что просьба моя так на вас подействует!!! Друг мой, великий писатель русской земли, внемлите моей просьбе!»

23 августа 1883 г. в два часа дня Тургенева не стало.

Весть о кончине Тургенева быстро разнеслась повсюду и поразила всех. Наглядным выражением общей скорби и беспредельного уважения к почившему писателю были его похороны.

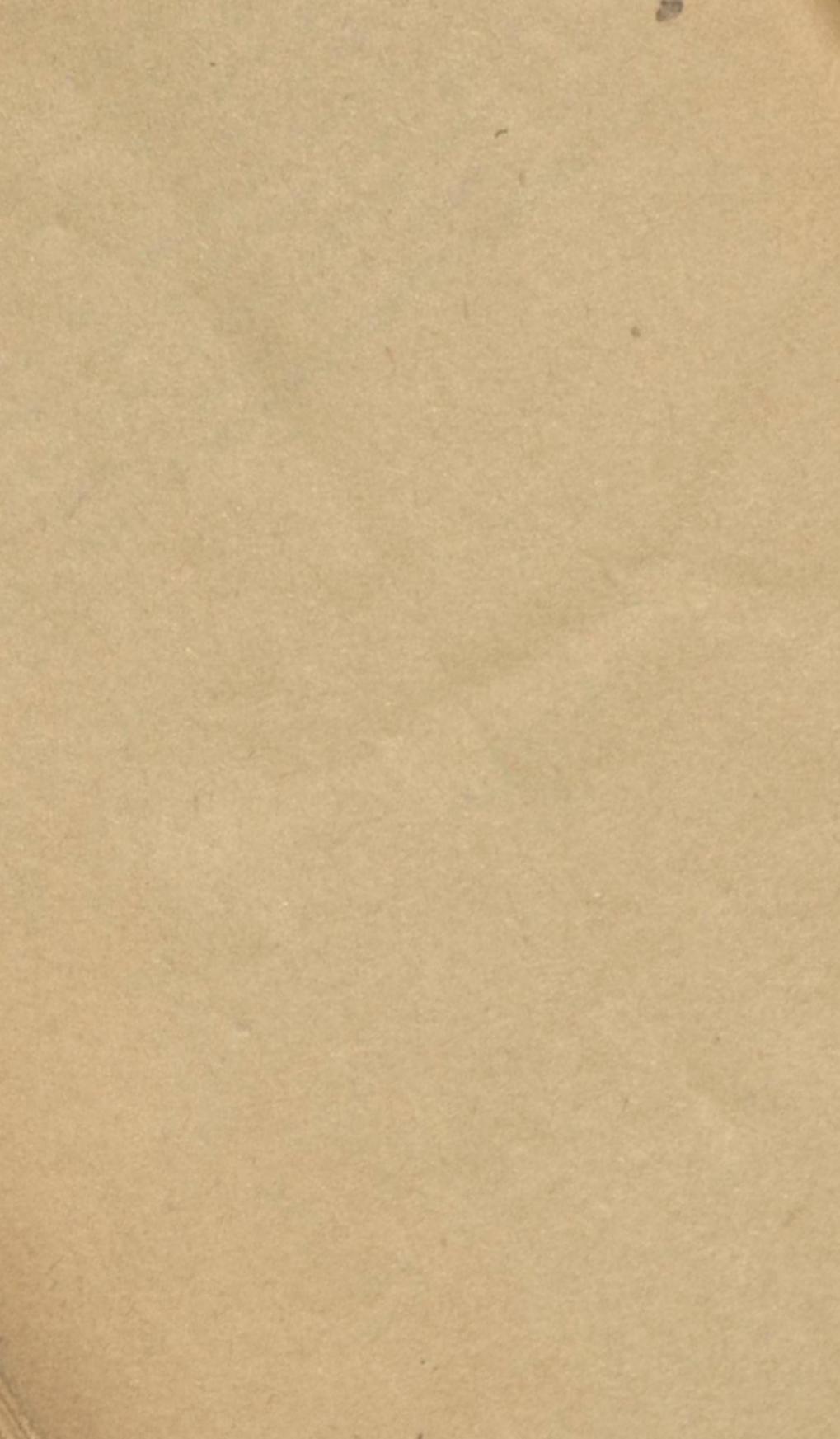
Парижане были изумлены громадной толпой русских, собравшихся в Париже проводить гроб Тургенева в Россию. Толпы народа всюду встречали гроб по пути его следования в Петербург, а здесь ждали похороны, каких не удостоились ни Пушкин, ни Гоголь. Русские люди научились ценить своих великих писателей. Величественное шествие представляли собой похороны Тургенева: множество депутатий, венки без числа, едва ли не все учащиеся Петербурга окружали гроб Тургенева, медленно двигавшийся среди многотысячной толпы, покрывавшей все улицы, тротуары, балконы, заборы и даже крыши домов попутি следования печальной процессии.

Имя Тургенева говорит что то нежное каждому сердцу. С произведениями таких писателей, как Тургенева, легче живется и смелее верится. К произведениям Тургенева, можно отнести слова, однажды сказанные Гоголем:

— «Где не бывает наслаждений? Живут они и в Петербурге, несмотря на суровую, сумрачную его

наружность. Трещит по улицам сердитый тридцатиградусный мороз, визжит отчаянным бесом ведьма-вьюга, нахлобучивая на голову воротники шуб и шинелей, щуря усы людей и морды скотов, но приветливо светит вверху окошко, где-нибудь даже и в четвертом этаже; в уютной комнате, под шумок самовара, ведется согревающий и сердце, и душу разговор, читается вдохновенная светлая страница поэта, какими наградил Бог свою Россию, и возвыщенно пылко трепещет молодое сердце».

BIBLIOTEKA TURGENEVA

39711